

УДК 947.083

ДЕБАТЫ О ПЕРСПЕКТИВАХ ПРЕОДОЛЕНИЯ АГРАРНОГО КРИЗИСА В РОССИИ КОНЦА XIX ВЕКА

© 2014 С.В. Беспалов

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, г.Москва

Поступила в редакцию 18.03.2014

Представители высшей российской бюрократии были солидарны в том, что непосредственной причиной углубления аграрного кризиса стало снижение цен на сельскохозяйственную продукцию. Руководство Министерства земледелия и государственных имуществ сформулировало программу правительственных мер, направленных на сглаживание ценовых колебаний; однако министр финансов С.Ю. Витте считал такие меры бесперспективными и, по сути, заблокировал инициативы МЗиГИ. Ключевые слова: аграрный кризис, Россия конца XIX – начала XX века, хлебные цены, С.Ю. Витте, А.С. Ермолов, бюрократия, экономическая политика.

Одной из значимых составляющих такого сложного явления, каким был кризис российской деревни в конце XIX в., явилось падение цен на зерновые как на мировом, так и на российском рынке. Как было показано Т.М. Китаниной, несмотря на то, что русский хлебный экспорт не превышал 1/5 валового объёма производства зерна в стране, экспортные цены оказывали колоссальное влияние на цены внутреннего рынка¹. Естественно, вопрос о путях минимизации ущерба интересам российских аграриев становился исключительно важным как для экспертного сообщества, так и для властных структур.

Эти проблемы не были абсолютно новыми для России. Ещё в конце 1870-х – начале 1880-х гг. вопрос о политике государства в области хлебной торговли был весьма актуален. Своёобразие его постановки в России, по мнению А.А. Куренышева, заключалось в дилемме: «вкладывать ли средства в развитие производства сельскохозяйственной продукции, хотя бы частичную модернизацию этого производства, или в модернизацию системы хранения, сортировки зерна, рационализацию торговли и т.п.». В условиях принятой на вооружение властями экономической концепции, стержнем которой было приоритетное развитие промышленности и транспорта, а сельское хозяйство, по словам Куренышева, «служило исключительно донором», выбор был сделан в пользу первого из двух обозначенных выше вариантов². В 1890-х гг., в условиях усугубления аграрного кризиса, обусловленного в том числе крайне высокой зависимостью российского аграрного сектора от международной ценовой конъюнктуры, дискуссии

на эту тему разгорелись с новой силой, причём участниками этой полемики стали представители высшей имперской бюрократии. Признавая аграрный кризис сложным явлением, обусловленным целым комплексом причин, высказывавшиеся по этому вопросу чиновники и эксперты не могли не признавать непосредственной причиной обострения кризиса именно падение хлебных цен³.

В ситуации растущей озабоченности и общества, и власти обостряющимся аграрным кризисом своё видение ситуации и перспектив её исправления должно было изложить руководство «профильного» ведомства. Результаты такого комплексного анализа были сформулированы в докладе министра земледелия и государственных имуществ А.С. Ермолова, подписанном также руководителем ключевого структурного подразделения этого Министерства – управляющим Отделом сельской экономики и сельскохозяйственной статистики Д.А. Тимирязевым⁴. Доклад начинался с констатации того, что сельское хозяйство России переживало в середине 1890-х гг. критический период, обусловленный «чрезвычайным падением хлебных цен»; падение это, в свою очередь, явилось результатом сочетания нескольких причин; при этом «одни из этих причин представляются постоянными, другие же, хотя и служат ближайшим поводом настоящего кризиса, являются временными». Ермолов и Тимирязев указывали на то, что тенденция к снижению хлебных цен прослеживалась на протяжении предшествующих двух-трёх десятилетий; однако снижение это, «не считая временных пертурбаций», было постепенным. Рассматривая фундаментальные причины этого достаточно плавного понижательного движения, авторы доклада вполне обоснованно относили к числу

*Беспалов Сергей Валериевич, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник.
E-mail: sbesp@mail.ru*

таковых прежде всего совершенствование и удешевление грузового транспорта, следствием чего стало развитие срочных операций в хлебной торговле при сокращении физических запасов зерна. Впрочем, эти причины привели к падению цен не только на зерновые, «но и на все, за немногими изъятиями, товары», а потому постепенное снижение цен на хлеб не приводило к особо негативным последствиям для земледелия – по крайней мере в тех странах, где интересы одних отраслей экономики не поощряются за счёт других. Однако **острый** аграрный кризис, «от которого страдает земледелие у нас и за границей», был вызван, по убеждению руководителей МЗиГИ, не указанными факторами, «постепенно уმაлявшими выгодность земледельческого промысла», а причинами временного характера, «а именно резкою пертурбациею в хлебной производительности, вызванною исключительными условиями 1891-1892 года»⁵.

В 1891 г. случился жестокий неурожай, причём не только в России, но и во многих европейских странах – более всего из них пострадала Германия. Понятно, что сложившаяся ситуация привела к росту потребности в хлебе и существенному повышению цен на него. Однако у России, естественно, не было возможности увеличить экспорт зерновых. В сложившихся условиях вполне закономерным оказалось «обращение Германии и других стран-потребительниц к новым рынкам» – как для преодоления текущего кризиса, так и в целях недопущения подобных ситуаций в будущем. Столь же естественной реакцией стало «почти повсеместное расширение посевов как хлеба, так и его суррогата картофеля (в Германии)»⁶.

Следует отдать должное руководителям Министерства земледелия, которые не ограничились описанием этих, в сущности, лежавших на поверхности факторов российского аграрного кризиса, но и попытались вскрыть глубинные причины его обострения в России. Ермолов и Тимирязев в своём докладе указали на то, что «не только в последнее время, но и вообще, влияя своими урожаями на установление цен на всемирном рынке, мы, к сожалению, никогда не могли устанавливать их к своей выгоде»⁷. Практически всегда наиболее значительные объёмы хлебного экспорта осуществлялись в урожайные годы и по сравнительно низким ценам, в те же годы, когда хлебные цены повышались, объём экспорта зерновых существенно снижался. Причиной этого руководители МЗиГИ считали прежде всего «неустойчивость и сильную колеблемость наших урожаев». «Колебания между средними на всю Россию урожаями за последние 10 лет, с 1883 по 1893 г. включительно, по всем

хлебам достигали 53% (при уклонении в 21% вниз и в 32% вверх от среднего)», а в некоторых губерниях (в частности, Херсонской и Екатеринославской) доходили до 200%. Очевидно, при таких нестабильных урожаях как возможности хлебного экспорта, так и цены на хлеб (и экспортные, и внутренние) должны были колебаться ещё более значительно – в ситуации, когда «самый вывоз хлебов из России не превышает 25% сбора»⁸. И эти «крайности в колебаниях урожаев вызывали у нас поочерёдно затруднения прямо противоположного характера»: так, 1880-81 гг. характеризовались неимоверно высокими хлебными ценами, в 1887-88 гг. цены, наоборот, рухнули. Неурожай 1891 г., как уже было отмечено, вызвал столь мощное повышение цен на хлеб, что для борьбы с ним «Правительство не остановилось даже пред запрещением вывоза хлеба» – хотя власти, разумеется, не могли не понимать, что это чревато долгосрочными негативными последствиями. По итогам же 1893-94 гг. хлебные цены опустились даже ниже экстремально низкого (как казалось в конце 1880-х гг.) уровня 1887-88 гг.

Размышляя о возможностях преодоления сложившейся кризисной ситуации, А.С. Ермолов и Д.А. Тимирязев прежде всего указывали на то, что сокращение производства зерновых ради сглаживания ценовых колебаний для России не просто неприемлемо, поскольку лишь поощрило бы её конкурентов на европейском рынке наращивать производство и экспорт хлеба, но и, по сути, неосуществимо: к середине 1890-х гг. около 2/3 посевной площади принадлежало крестьянам (и, заметим, доля крестьян в структуре землепользователей неуклонно росла как в конце XIX, так и в начале XX столетия), и руководство МЗиГИ вполне осознавало, что у государства нет никакой возможности заставить крестьян сокращать свои посевы; тем более нелогично было бы побуждать к этому частных землевладельцев, хозяйства которых, как правило, были более высокопроизводительными и в гораздо большей степени, чем крестьянские, ориентированы на рынок, – в докладе об этом не говорилось, но, по-видимому, эти аргументы казались руководителям аграрного ведомства самоочевидными. Поэтому в рассматриваемом документе делался вывод о том, что «в нашем отечестве наиболее настоятельными являются такие мероприятия, которые уменьшили бы разность в ценах на хлеб в годы с сильными недородами и обильными сборами». При этом особое внимание Ермолов и Тимирязев обращают на необходимость стабилизации *внутренних* цен на хлеб, поскольку, «являясь крупнейшим, хотя и плохо вознаграждаемым, поставщиком хлеба

на европейские рынки и будучи по преимуществу земледельцами, мы и у себя дома периодически страдаем от последствий то избытка хлеба, то его недорода... Терпят от этого порядка вещей и потребители и производители, землевладельцы и крестьяне, а последние, производя хлеб в размерах, лишь немногим превышающих собственные потребности, страдают то как производители, то как потребители» – поскольку в урожайные годы вынуждены дешево продавать хлеб, в неурожайные же – покупать его для собственного пропитания по высоким ценам. Проблемы несколько иного рода, но также весьма серьёзные испытывают и частновладельческие хозяйства; по словам авторов доклада, издержки землевладельцев зачастую не окупаются как в наиболее урожайные годы, так и в неурожайные: в первом случае – вследствие низких хлебных цен и «возрастающей дороговизны уборки» (что, по нашему мнению, означало повышение стоимости рабочей силы ввиду занятости крестьян в собственных хозяйствах и приобретённого крестьянами за пореформенные десятилетия навыка повышать стоимость своих услуг в урожайные годы); во втором же случае – «вследствие ничтожности сбора». Сформулировав все эти аргументы, Ермолов и Тимирязев выдвигают своё основополагающее предложение: все категории сельского населения, «за немыслимостью в близком будущем сделать урожайность более равномерной», очевидно выиграли бы в том случае, если бы удалось предоставить им возможность в урожайные годы сохранять избыток хлеба, образующийся после удовлетворения потребностей собственного хозяйства и «нормального вывоза за границу», и обеспечить сохранность этих запасов вплоть до наступления неурожайного года, когда они покрыли бы «нужду в обсеменении и продовольствии внутри Империи, без стеснения и сокращения экспорта»⁹.

Обеспечить достижение этой ключевой цели А.С. Ермолов и Д.А. Тимирязев предложили путём «образования продовольственных запасов, наполнением крестьянских запасных магазинов», а также «путём выдачи ссуд под хлеб, но на более продолжительные, чем ныне, сроки» и, наконец, путём создания государственных продовольственных запасов, пополняемых в результате закупки правительством хлеба в условиях низких цен на него, т.е. в урожайные годы. Следует отметить, что авторы доклада особенно обстоятельно аргументируют тезисы о необходимости не просто направлять капиталы в аграрный сектор, но и создавать продовольственные запасы, и о недостаточности «общественных» (по всей видимости, имеются в виду запасы земские. – С. Б.) хлебных запасов для удовлетво-

рения «сколько-нибудь серьёзной нужды» в неурожайные годы, а потому наличие наряду с ними ещё и правительственных зерновых резервов является, по мысли Ермолова и Тимирязева, обязательным. Соответственно, итоговый вывод доклада руководителей МЗиГИ сформулирован предельно чётко: необходимо «как в видах обеспечения продовольствия на случай неурожая, так и с целью придачи большей устойчивости ценам и равномерности нашему хлебному отпуску (т.е. экспорту. – С.Б.), – образование, путём закупки в урожайные годы и во время низких цен, значительного казённого продовольственного запаса», размер которого должен составить 100-200 млн. пудов¹⁰. На рынок этот хлеб должен попадать лишь в периоды недорода и резкого роста цен. В результате предполагалось не только стабилизировать экономическое положение российских аграриев, но и обеспечить в перспективе дополнительный источник государственных доходов, поскольку реализовываться зерно из резервов по вполне понятным причинам должно было по ценам, существенно превышающим закупочные. Задача эта казалась Ермолову и Тимирязеву настолько безотлагательной, что, констатируя факт отсутствия достаточного количества помещений для хранения зернового резерва и предлагая как можно скорее приступить к их постройке, они считали необходимым начать государственные закупки хлеба немедленно¹¹ – не дожидаясь завершения соответствующих строительных работ.

Анализируя рассмотренный доклад, следует прежде всего отметить, что авторы его исследовали преимущественно внешнеэкономические факторы аграрного кризиса; соответственно, волновавшие и общество, и значительную часть политико-административной элиты России вопросы о направленности аграрной политики и целесообразности её корректировки, реформировании крестьянского правопорядка и проч. в этом документе не поднимались; не исключено к тому же, что руководители МЗиГИ считали возбуждение этих вопросов, относившихся преимущественно к ведению МВД и – отчасти – Министерства финансов, без прямой санкции сверху достаточно рискованным для себя. В то же время трудно объяснить, почему в претендующем на комплексность анализа внешнеэкономических составляющих аграрного кризиса докладе двух весьма компетентных специалистов даже не был упомянут такой фактор падения хлебных цен, как начавшийся приток на европейский рынок заокеанского зерна; впрочем, в других докладах тот же Ермолов неоднократно обращал внимание на это обстоятельство¹². Следует обратить внимание и на то, что А.С. Ермо-

лов и Д.А. Тимирязев стремились подчеркнуть общность интересов всех российских аграриев – частных землевладельцев и крестьян-общинников, игнорируя специфику экономического положения этих социальных групп. Но главное – создание масштабных государственных хлебных запасов представлялось авторам доклада тем самым звеном, за которое можно было бы вытянуть цепочку если не всех, то многих проблем российского сельского хозяйства.

В то же время очевидно, что поднятые Ермоловым и Тимирязевым проблемы в той или иной степени осознавались и другими представителями высшей бюрократии, в том числе могущественным министром финансов С.Ю. Витте. Прежде всего необходимо отметить, что уже вскоре после вступления в управление финансовым ведомством Витте инициировал создание особого хлеботоргового отделения при Департаменте торговли и мануфактур, мотивируя своё предложение, в частности, тем, что «выяснившиеся в настоящее время условия и порядки хлебной торговли, как внутренней, так и международной», требуют энергичного вмешательства государственной власти в эти процессы, с тем чтобы организовать хлебную торговлю «на правильных началах, отвечающих общегосударственным интересам»¹³. Хлеботорговое отделение было создано в конце 1892 г.; по справедливому мнению Л.Е. Шепелёва, инициатива Витте способствовала в том числе и увеличению его политического веса за счёт поддержки со стороны аграриев, в которой молодой министр очень нуждался¹⁴. В феврале следующего, 1893 г., выступая на заседании Комиссии по упорядочению хлебной торговли, Витте заявил о себе как о стороннике активного государственного вмешательства в эту сферу, ссылаясь при этом не только на запросы со стороны российских аграриев, но и на зарубежный опыт: «Всюду такое вмешательство со стороны правительства существует; ...я не знаю ни одной страны, где бы правительство менее вмешивалось в хлебную торговлю, чем наше правительство, которое до сих пор никакого серьёзного воздействия не оказывало»¹⁵.

По прошествии ещё полугода, в августе 1893 г., министр финансов С.Ю. Витте в докладе Императору поднял вопрос о том, что высокий урожай ржи может повлечь серьёзное снижение цен на неё уже ближайшей осенью, поскольку сельские хозяева, практически одновременно начав продавать зерно, «обвалят» рынок в ущерб самим себе. В связи с этим глава финансового ведомства предлагал рассмотреть вопрос о выделении льготных кредитов землевладельцам, с тем чтобы они могли не торопиться с продажей зерна, а подождать более благоприятной ценовой конъюнктуры.

Кроме того, Витте предлагал осенью осуществить «негласную покупку этого хлеба за счёт Правительства, с целью поддержания цен»¹⁶.

Предложения Витте были одобрены Александром III, наложившим 31 августа на доклад министра редкую по своей эмоциональности резолюцию, которую мы процитируем полностью: «Надеюсь, что все эти меры принесут пользу. Меня радует и утешает, что Министр Финансов не спит, а работает без усталости!»¹⁷. Представляется, что эти слова Императора были вызваны не просто его весьма позитивным отношением к деятельности Витте. По всей видимости, можно говорить, во-первых, об осознании главой государства важности той проблемы, которая была поднята в докладе. Кроме того, не могло не порадовать царя и то, что в случае успеха предложенных мер основную выгоду получило бы помещное дворянство, интересы которого были столь дороги Александру III. Наконец, предложения Витте свидетельствовали о том, что министр серьёзно относится к новой сфере полномочий вверенного ему управлению ведомства, касающихся регулирования хлебной торговли, что также импонировало монарху. В то же время, как показала практика, инициированные Витте меры в лучшем случае слегка смягчили амплитуду ценовых колебаний; сформулированные Ермоловым и Тимирязевым предложения подразумевали более комплексное решение проблемы.

Впрочем, С.Ю. Витте обращался к различным аспектам проблемы хлебных цен неоднократно. Весьма примечателен, на наш взгляд, посвящённый этой проблеме доклад министра финансов «О современном положении хлебных цен», представленный Николаю II 5 июля 1896 г. Отмечая продолжительное падение хлебных цен, «угнетающее» воздействующее на состояние аграрного сектора российской экономики, свой доклад Витте начинает с постановки «коренного вопроса»: «Не производится ли во всемирном хозяйстве хлеба больше, чем нужно для всемирного потребления?» Указывая, что за 12 лет производство пшеницы во всемирном масштабе выросло лишь на 5%, министр финансов резонно замечает, что подобный рост сам по себе не может представлять серьёзной угрозы для интересов сельских хозяев, особенно если учесть, что за это же время потребление пшеницы, «вследствие одного роста населения, возросло в Европе и Америке на 11%»; к тому же во многих странах увеличивается ещё и «норма потребления среднего жителя». Вывод из этих данных представляется министру финансов совершенно очевидным: устойчивого перепроизводства хлеба как факта, характеризующего состояние сельского хозяйства в рассматриваемый период, нет¹⁸.

Однако «благодаря случайному совпадению благоприятных метеорологических условий», обусловивших обильные урожаи зерновых на протяжении нескольких лет подряд, на мировом рынке естественным образом появилось значительное превышение предложения над спросом – «образовалось временно перепроизводство зерна, которое в течение последних лет чрезмерно понижает хлебные цены» как на мировом рынке, так и внутри России. Учитывая же, что и предстоящий урожай обещает быть весьма благоприятным, причём практически повсеместно, министр финансов прогнозирует и в новом 1896-97 сельскохозяйственном году некоторое понижение хлебных цен, что создаст сложности всему аграрному сектору, в особо же тягостное положение поставив «всех тех землевладельцев, кои большую часть своего дохода получают путём продажи зерна». Из этих рассуждений, однако, С.Ю. Витте делает вывод о том, что «угнетение хлебного рынка» в середине 1890-х гг. было обусловлено причинами, «столь мало зависящими от воли человеческой», что принципиально изменить ситуацию не стоит и пытаться. При этом он утверждает, что всё, что может быть ещё сделано силами финансового (и не только) ведомства «в области облегчения пользования услугами путей сообщения, кредита, краткосрочного и ипотечного, налоговые льготы – все ещё возможные способы воздействия государства» на сложившуюся экономическую ситуацию если и способны привести к отдельным благоприятным последствиям для землевладельцев, то эти позитивные результаты окажутся несопоставимо малы «сравнительно с ущербом, причиняемым таким острым, хотя вероятно кратковременным бедствием, как упадок хлебных цен». (Заметим: Витте говорит о возможности позитивного влияния указанных мер лишь на экономическое положение частновладельческих хозяйств; по всей видимости, улучшить положение крестьянства хоть в какой-то степени министр финансов вообще не видел возможности.) Отсюда – итоговое положение доклада: «имея в виду, что и впредь земледелие будет пользоваться особым покровительством государственной власти» (утверждение по меньшей мере спорное), в предстоящем году – как, видимо, и в дальнейшем, по логике министра финансов – российские землевладельцы должны «преимущественно искать силу внутри себя, дабы с возможной устойчивостью пережить тягостное стечение обстоятельств»¹⁹.

Вопреки ожиданиям Витте и его советников, в 1896 г. обстоятельства для российских аграриев сложились не тягостные, а весьма удачные. Спустя три с небольшим месяца после подачи

рассмотренного выше документа, 14 октября 1896 г., Витте направил царю новый доклад «О современном положении хлебной торговли», в котором рапортовал об исключительно благоприятном стечении обстоятельств: в условиях непредвиденно низкого урожая в большинстве стран – производителей зерна, что немедленно вызвало рост цен на мировом рынке (Николай II наложил в этом месте доклада свою отметку: «Утешительно»), в России урожай оказался высоким, что сулило (и действительно обеспечило) российским землевладельцам повышение экспортной выручки и определённое оздоровление их экономического положения²⁰. Однако важно подчеркнуть, что, как следует из июльского доклада министра финансов, в 1896 г. Витте, судя по всему, уже не видел особого смысла даже в тех не слишком масштабных мерах, направленных на сглаживание колебаний хлебных цен, которые содержались в его докладе 1893 г., не говоря уже о более масштабных и комплексных мероприятиях. Складывается впечатление, что чем более С.Ю. Витте приходил к убеждению о необходимости кардинального реформирования правовых основ жизни российской деревни, тем менее значимыми ему казались сугубо экономические мероприятия, призванные поддержать аграрный сектор, который должен был «искать силу внутри себя», не отвлекая по возможности государственные ресурсы от осуществления программы индустриальной модернизации страны. Предельно чётко эта позиция была сформулирована Витте в марте 1899 г., когда, подводя итог работы комиссии по упорядочению хлебной торговли, министр финансов заявил, что, признавая всю важность улучшения «условий сельскохозяйственной деятельности, я убежден, однако, что решительное врачевание наших сельскохозяйственных недугов может явиться результатом лишь упорядочения общеправовой постановки нашей деревенской жизни и более правильного распределения народного труда по различным отраслям производительной деятельности», т.е. развития индустриального сектора национальной экономики. «Жизненный узел» сельского хозяйства России, по словам Витте, заключался не в «условиях международного хлебного рынка, богатого... случайностями» – этот узел министр предлагал развязать за счёт создания широкого и стабильного внутреннего спроса на сельскохозяйственную продукцию, обеспечить который способно лишь развитие обрабатывающей промышленности²¹. Такое противопоставление необходимости решения стратегических задач целесообразности осуществления правительственных мероприятий, которые способны были существенно улучшить

экономическое положение сельхозпроизводителей в краткосрочной и среднесрочной перспективе, на наш взгляд, трудно признать обоснованным.

Итак, в 1890-х гг. в результате дискуссии, затронувшей в том числе ключевых членов правительства, возобладала точка зрения С.Ю. Витте. Предложения А.С. Ермолова и Д.А. Тимирязева, выступавших за более активное участие государства в регулировании хлебных цен, прежде всего путём создания серьёзных государственных продовольственных запасов и осуществления в необходимых ситуациях масштабных закупок зерна на внутреннем рынке правительственными агентами, в должной мере осуществлены не были. На наш взгляд, практическое осуществление предложений руководителей МЗиГИ означало бы существенное расширение инструментария правительственной аграрной политики. Пожалуй, впервые на высшем правительственном уровне было предложено создать общегосударственную систему закупок, хранения и реализации зерна не в целях обеспечения потребностей страны в военное время, а ради решения целого ряда сугубо экономических проблем.

В 1890-х гг. эти предложения не были реализованы; однако потребность в создании цивилизованного механизма государственного влияния на хлебные цены ради сглаживания их рыночных колебаний и стабилизации экономического положения сельхозпроизводителей в дальнейшем неоднократно вставала перед российскими властями, как правило, не находя своего комплексного решения. Эта проблема является столь же актуальной в начале XXI в., как и в конце XIX столетия, и стоит на повестке дня правительства современной России.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Китанина Т.М. Хлебная торговля России в 1875-1914 гг. (Очерки правительственной политики.) Л.: Наука, 1978. С.34.

² Куреньшев А.А. Сельскохозяйственная столица России. Очерки истории Московского общества сельского хо-

зяйства (1818-1929 гг.). М.: АИРО-XXI, 2012. С.104, 108.

³ Беспалов С.В. Причины и характер аграрного кризиса в Центрально-Европейской России в восприятии российской бюрократии на рубеже XIX – XX веков // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2012 год: Типология и особенности регионального развития России и Восточной Европы X-XXI вв. М.; Брянск, 2012. С.306-315.

⁴ В документе отсутствует дата его составления; из содержания доклада следует, что он был подготовлен в конце 1894 или в 1895 г.

⁵ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф.694. Оп.2. Д.183. Доклад Министра земледелия и государственных имуществ А. Ермолова о сельском хозяйстве и падении цен на хлеб. Л.1-1об.

⁶ Там же. Л.1об.

⁷ Там же. Л.2.

⁸ Как уже было отмечено, по оценке Т.М. Китаниной доля экспортируемого хлеба была ещё меньшей, достигая лишь 18%.

⁹ РГИА. Ф.694. Оп.2. Д.183. Л.2об.-3.

¹⁰ Там же. Л.3об.-4об.

¹¹ Там же. Л.6-6об.

¹² Российская национальная библиотека (РНБ). Отдел рукописей. Ф.772. Д.76. Л.1.

¹³ Представление С.Ю. Витте в Государственный совет «Об учреждении при департаменте торговли и мануфактур особого Хлеботоргового отделения». 21 октября 1892 г. // *Vumme С.Ю.* Собрание сочинений и документальных материалов. Т.4. Кн.1. М.: Наука, 2006. С.30-31.

¹⁴ Шенелёв Л.Е. Примечания и комментарии // *Vumme С.Ю.* Собрание сочинений и документальных материалов. Т.4. Кн.1. М.: Наука, 2006. С.679.

¹⁵ Фрагмент из журнала заседания Комиссии по упорядочению хлебной торговли с изложением выступления С.Ю. Витте по вопросу о государственном регулировании этой торговли. 3 февраля 1893 г. // *Vumme С.Ю.* Собрание сочинений и документальных материалов. Т.4. Кн.1. М.: Наука, 2006. С.43.

¹⁶ РГИА. Ф.40. Оп.1. Д.53. Л.7-15.

¹⁷ Там же. Л.7.

¹⁸ РГИА. Ф.40. Оп.1. Д.48. Л.122об.-124.

¹⁹ Там же. Л.124об.-126об.

²⁰ Там же. Л.147-148.

²¹ Из сообщения «Торгово-промышленной газеты» о выступлении С.Ю. Витте на заключительном заседании Комиссии по упорядочению хлебной торговли об экономической политике России. 2 марта 1899 г. // *Vumme С.Ю.* Собрание сочинений и документальных материалов. Т.4: Промышленность, торговля и сельское хозяйство России. Кн.1: Организация торгово-промышленного ведомства. Программы экономического развития. Акционерное учредительство. М.: Наука, 2006. С.172-173.

DEBATE ON THE PROSPECTS FOR OVERCOMING THE AGRARIAN CRISIS IN THE LATE XIX CENTURY RUSSIA

© 2014 S.V. Bepalov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow

Representatives of the highest Russian bureaucracy were in agreement that the immediate cause of the deepening agrarian crisis was the decline in agricultural prices. Leadership of the Ministry of Agriculture and State Property has formulated a program of government measures aimed at mitigating price fluctuations; however, Finance Minister Witte believed such measures futile and, in fact, blocked these initiative.

Keywords: agrarian crisis, Russia at the end of 19th – the beginning of the 20th centuries, grain prices, Sergey Witte, Alexey Ermolov, bureaucracy, economic policy

Sergey Bepalov, Candidate of History, Associate Professor,
Senior Research Fellow. E-mail: sbesp@mail.ru